

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.15>**ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО И ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ ПУБЛИЦИСТА БЕКСУЛТАНА БАТЫРХАНА**

Научная статья

Угурчиева Р.Х. *

ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия

* Корреспондирующий автор (uruket[at]rambler.ru)

Аннотация

В статье проанализированы основные вехи жизни и творчества публициста, переводчика, издателя Бексултана Батырхана, видного деятеля ингушской литературной диаспоры в Турции. Практически весь корпус его работ сосредоточен в кавказских журналах Анкары и Стамбула – «Kafkasya» («Кавказ») и «Kuzey Kafkasya» («Северный Кавказ»), выходящих в 1960–1970-е гг. Наследие Б. Батырхана разнотемно, разнопланово, разножанрово и включает в себя как его собственные произведения, очерки, статьи, литературоведческие работы, так и переводы художественной, исторической литературы, фольклорных текстов различных народов Кавказа. Для Б. Батырхана как для автора, переводчика характерна та же особенность, что для всего кавказского зарубежья в целом: сконцентрированность на самом главном образе – образе Кавказа, к которому обращены его думы, переживания. Творчество его можно с полным правом рассматривать как яркий образец кавказоориентированной, кавказоцентричной рефлексии.

Ключевые слова: ингушское зарубежье, Б. Батырхан, литературная диаспора, кавказская эмиграция.

MILESTONES OF THE LIFE AND CREATIVE PATH OF THE PUBLICIST BEKSULTAN BATYRKHAN

Research article

Ugurchieva R.Kh. *

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

* Corresponding author (uruket[at]rambler.ru)

Abstract

The article analyzes the main milestones in the life and work of the publicist, translator, publisher Beksultan Batyrkhan, a prominent figure of the Ingush literary diaspora in Turkey. Almost the entire body of his work is concentrated in the Caucasian magazines of Ankara and Istanbul - "Kafkasya" ("Caucasus") and "Kuzey Kafkasya" ("North Caucasus"), published in the 1960s and 1970s. The legacy of B. Batyrkhan is diverse in theme and genre and includes both his own works, essays, articles, literary works, as well as translations of fiction, historical literature, folklore texts of various peoples of the Caucasus. As an author and translator, B. Batyrkhan, as well as the entire Caucasian diaspora, is characterized by the concentration on the most important image – the image of the Caucasus, to which his thoughts and experiences are addressed. His work can rightfully be regarded as a vivid example of Caucasian-oriented, Caucasian-centric reflection.

Keywords: Ingush abroad, B. Batyrkhan, literary diaspora, Caucasian emigration.

Введение

Статья посвящена изучению биографии и творческого пути одного из видных деятелей ингушской литературной эмиграции в Турции Бексултана Батырхана. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения и возвращения культурного наследия ингушского зарубежья. Цель исследования – анализ публицистической, литературно-критической, переводческой деятельности и основных вех жизни Б. Батырхана. Для достижения поставленной цели предпринято: а) привлечение исследований других авторов, б) привлечение результатов собственных поисков архивных материалов, в) перевод и анализ публикаций Б. Батырхана.

Бексултан Батырхан – турецкое имя Бексултана Исмаиловича Котиева (~1888–1972), известного в эмиграции как автор многочисленных публицистических, художественных, литературоведческих работ, переводчик, издатель, благотворитель. О Б. Батырхане, как, впрочем, и всей ингушской диаспоре в Турции, стало известно благодаря Марем Ялхаровой, на протяжении многих лет занимавшейся (и занимающейся) серьезной исследовательской работой в этом направлении ингушского зарубежья, включая экспедиции в города компактного проживания турецких ингушей. Ее монографию «Литературно-публицистическая деятельность ингушской диаспоры в Турции» [8], в которой представлена богатая фактологическая база, с полным правом можно считать настольной книгой для каждого, кто обращается к настоящей теме.

Представитель второй волны ингушской эмиграции Б. Батырхан из числа тех, для кого 1917 год стал переломным и разделил жизнь на «до» и «после». Если бы не драматические для всей страны эпохальные перемены, круто изменившие судьбу, его жизнь сложилась бы совершенно иначе. Б. Батырхан учился во Владикавказском реальном училище, откуда из последнего класса ушел добровольцем на русско-японскую войну, воевал, был представлен к Георгиевскому кресту, планировал стать военным, но тяжелое ранение помешало этому. 1917 год застал Б. Батырхана в Екатеринодаре, где он вступает в Добровольческую армию, в которой исполняет обязанности чиновника по особым поручениям при ставке командующего Вооруженными силами Юга России [8, С. 94]. Эмиграция его состоялась в составе армии Врангеля, в которой он служил до последних дней – вплоть до ноября 1920 г., когда огромная флотилия с остатками Добровольческой армии и гражданскими беженцами эвакуировалась из Крыма (по другим данным, из Ялты) в Константинополь. При условии наличия средств на существование прибывшие получали свободу передвижения, в ином случае направлялись в специальные лагеря в Турции, Греции, Сербии. Б. Батырхан остался в Турции, вначале жил в г. Самсуне, затем переехал в Стамбул. Выживание на чужбине изгнанникам давалось тяжело,

многие не выдерживали стресса, такого резкого, неожиданного поворота судьбы, когда еще вчера у человека было все, а сегодня он вдали от родины один на один со своей бедой. Атмосфера всеобщей подавленности и растерянности царил повсюду, единственной верой и опорой для изгнанников была лишь надежда на скорое возвращение домой. В отличие от многих солдат и офицеров, которые от безысходности уходили служить в армии чужих стран, Б. Батырхан не стал продолжать военную карьеру. Первые годы жизни в Турции были для него нелегкими, но он сумел выдержать испытания, выпавшие на его долю, завести собственное дело, организовать бизнес, доходы от которого, по признанию многих, щедро расходовал на общественные проекты и помощь соотечественникам, вне зависимости от национальности и вероисповедания попавших в беду. Спустя годы Б. Батырхан принимал активное участие в судьбе военнопленных северокавказцев, оказавшихся во время войны в беженских лагерях Германии, Австрии, Италии [8, С. 95]. Помимо общественной и благотворительной деятельности, Б. Батырхан занимался и активной литературно-издательской, переводческой, журналистской, о чем говорится в работах М. Ялхароевой, турецкого исследователя адыгского происхождения С. Берзег [10] и А. Сибгатуллиной [6]. Б. Батырхан -- основатель журнала «Kuzey Kafkasya» («Северный Кавказ»), органа Северокавказского общества культуры и взаимопомощи, и, кстати сказать, он также один из учредителей этого Общества [10, С. 51], [8, С. 95]. Как пишет С. Берзег, «Батырхан одновременно публиковался в журнале “Северный Кавказ” (Стамбул), издаваемом вышеупомянутым обществом, в журнале “Кавказ”, издаваемом в Анкаре, и других, где были представлены многие его статьи о родине и переводы с русского» [10, С. 51]. Упомянутый журнал «Kuzey Kafkasya» начал выходить в 1970 г., из ингушских авторов в нем печатался еще и Салих Полаткан (С. Хаматханов).

Основные результаты

М. Ялхароева [8] обнаружила в «Kuzey Kafkasya» 18 публикаций Б. Батырхана за 1971-1972 гг., это и статьи, портретные очерки, переводы стихов, поэм на турецкий язык: «Оакхарой Махома» (пер. на тур.), «Красивая услуга» (1970. № 1), «Гази Мулла», «Три исторических события в Чечне» (1970. № 2), «Вассан-Гирей Джабагиев» (1970. № 10), «Избранные страницы жизни истинного друга Кавказа и кавказцев М. Ю. Лермонтова», «Пшемахо Косок» (1971. № 5), «Гашо-Хаджи» (1971. № 6-7), «Происхождение осетинского народа» (1971 № 7-8), «Опора Хаджи» (пер. на тур.), «Лекарства Цагена» (1971. № 8), «Обманщики», «Нарт Пхармат» (пер. на тур.), «Абдул-Межид (Тапа) Чермоев» (1971. № 9), «Мцыри» (пер. на тур.), «Зелим Хан» (1971. № 10), «“Кавказский пленник” М. Ю. Лермонтова», «Владелец двух разных чувств и действий – дагестанский поэт Р. Гамзатов» (1972. № 12). Как видим по публикациям, Б. Батырхан писал даже в последний год своей жизни.

А. Сибгатуллина [6] проделала большую, основательную работу, в результате которой обнаружила в журнале «Kafkasya» порядка 40 статей на самые различные темы: «В связи с неделей поработенных народов» (1964. № 3), «Имам Гамзат (по случаю 130-й годовщины смерти)» (1964. № 3), «В связи с 21-й годовщиной геноцида северокавказских народов: чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев» (1965 № 5), «О борьбе северокавказцев за свободу» (1965. № 5), «О мюридизме» (1964. № 3), «“Кавказ” Тараса Шевченко» (1965. № 6), «Шейх Мансур» (1965. № 6, № 7), «Борьба северокавказцев за свободу» (1965. № 7), «К вопросу о национальных меньшинствах России» (1965. № 8), «Мюридизм на Кавказе» (1965. № 8), «О кавказцах» (1966. № 11), «Убыхи» (1966. № 12), «Одна из легенд северокавказских горцев» (1966. № 12), «О кавказцах» (1967. № 13), «Тайми Бибулат (взгляд российских авторов)» (1967. № 13), «Чеченцы в XIX веке» (1968. № 17), «Кем были предки осетин» (1968. № 19), «Ахульго» (1968. № 20), «Сказание нартов» (1969. № 21) и др.

Для Б. Батырхана как для публициста, литературоведа, переводчика характерна та же особенность, что для всего кавказского зарубежья в целом: сконцентрированность на самом главном, сакральном образе – образе Родины, образе Кавказа, и на самой магистральной идее – идее единого Кавказа. Творчество ингушского эмигранта, равно как и его общественную, политическую деятельность, можно без преувеличения назвать кавказоцентричным. Все думы, переживания его, как и других изгнанников, обращены к Кавказу, поэтому кавказоцентричным было, если можно так выразиться, и его мировоззрение, мышление, ощущение жизни. Образ Кавказа был непременно идеальным, героическим, что не могло не отразиться в литературе, публицистике, в целом в культуре. Понятно, что это относилось не ко всем авторам или текстам без исключения, однако творчество Б. Батырхана по праву можно рассматривать как яркий образец кавказоориентированной, кавказоцентричной рефлексии, образец приверженности и преданности идее единого Кавказа. Конечно, это не значит, что в каждой работе затрагивалась тема общекавказского единства, возвращения на родину и т.д., нет, однако, о чем бы ни шел разговор в его работах, прямо ли, опосредованно ли суть в них всегда работала на данную тематику. Возьмем переводы Б. Батырхана, на чем он, как и очень многие кавказцы-эмигранты, останавливает свой выбор? На свободолюбивой, духоподъемной, воодушевляющей поэзии, прозе или исторических сюжетах такого же плана. Чаще всего в диаспоре обращались к творчеству М. Лермонтова, его стихи, поэмы переводили как на кавказские языки, так и на турецкий. Сам факт того, что поэт принимал участие в военных действиях на Кавказе, почему-то не акцентировался в кавказском зарубежье. Б. Батырханом переведены и проанализированы стихотворения «Приветствую тебя, седой Кавказ», «Смерть поэта», «Валерик» и др. Есть переводы и стихотворений А. Пушкина о Кавказе. Как переводчик Б. Батырхан руководствовался своей концепцией, своими установками. Скажем, в связи переводом поэмы «Мцыри» М. Ялхароева отмечает такой факт: «Не случайно переводчик позволил себе вольность, изменив эпиграф поэмы на слова А. Пушкина: “...и бездыханное тело хочет покоиться в родной земле”» [8, С. 101]. А эпиграфом М. Лермонтова к «Мцыри», как помним, была цитата из Библии: «Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю». В этой сознательной “вольности” выражалось чаяние самих изгнанников, только и живших надеждой на возвращение домой, на благословенную родину. Другой пример: из «Кавказского пленника» М. Лермонтова Б. Батырхан «переводит пятую главу, в которой поэт использовал фольклор народов Кавказа -- народную песню, воспевающую доблесть горцев» [8, С. 101]. Выборочность, избирательность подхода у Б. Батырхана была продиктована не отсутствием ответственности

перед чужим словом, оригиналом или незнанием, что и как переводить, а как раз той самой идеей свободы, идеей обретения родины, которая витала в воздухе, была смыслом изгнаннической жизни и которую ему, автору-переводчику, хотелось непременно подчеркнуть, усилить переводимым текстом. Тот фрагмент, в котором свободолюбивые идеи были наиболее выражены, и представлял для него больший интерес. Безусловно, не менее важной была здесь и просветительская установка: знакомство и кавказского, и турецкого читателя с русской классической поэзией.

В русле установки на свободолюбивую поэзию, посвященную Кавказу и ее народам, нужно рассматривать и обращение Б. Батырхана (вернее, попытку обращения) к поэме «Кавказ» Т. Шевченко, которую много переводили и советские национальные поэты, в т.ч. и ингушские. Однако понимание и восприятие Т. Шевченко «здесь» и «там» было кардинально разным, что можно проследить по ингушским переводам с этой, советской, и с той, диаспорной, сторон. Если «здесь» перевод поэмы «Кавказ» Т. Шевченко был либо абсолютно механистическим, т.е. перевод ради перевода, либо в духе осуждения царского режима, то в корне другим было восприятие поэмы «там», можно даже сказать, что оно было обостренно-болезненным. Это очевидно хотя бы уже по тому, как назвал Б. Батырхан свою небольшую заметку, в которой приводит перевод фрагмента поэмы Т. Шевченко -- «О борьбе северокавказцев за свободу» [3, С. 23]. Еще одна публикация по настоящей теме с примечаниями автора называется «“Кавказ” Тараса Шевченко» [2, С. 28]. По сути, это были подступы к переводу, подступы к большой работе в будущем, но, видимо, поэма настолько взволновала Б. Батырхана, что он как бы торопится поделиться ею и своими впечатлениями о ней с читателями, публикуя переведенные фрагменты. О том, что здесь не перевод ради перевода, а вполне осознанный выбор «объекта» интереса, говорят комментарии, пояснения, примечания автора-переводчика, который, кстати сказать, всегда знакомит читателя с личностью переводимого им поэта, писателя или историка, с историей написания того или иного произведения.

Б. Батырхан переводил и ингушский фольклор, особенно сказания из ингушской нартиады, сказки, предания: «Нарт Пхармат», «Оакхарой Махома», «Лекарства Цагена», «Опора Хаджи», «Обманщики» [8, С. 101]. Примечательно, что Б. Батырхан переводит и популяризирует не только ингушский фольклор, но и фольклор других народов Кавказа. В своих работах он старался давать максимально выверенную, сверенную информацию, для чего предпринимал самые невероятные попытки. Трудно поверить, но, находясь в эмиграции, за тысячи километров от родины, Б. Батырхан умудрялся отслеживать исследования по фольклору, истории, литературе, выходящие в Советском Союзе (о чем еще скажем ниже). И, что совсем поразительно, порой в кратчайшие сроки после выхода издания в свет. Возьмем такой пример, приводимый М. Ялхаровой: книга А. О. Мальсагова «Нарт-орстхоевский эпос вайнахов», явившаяся для Б. Батырхана толчком для перевода одного из сказаний ингушского нартского эпоса, вышла в Москве в 1970 г. А статья его с переводом сказания «Нарт Пхармат» появляется на страницах журнала «Kuzey Kafkasya» уже в 1971 г., т.е. с разницей всего в один год.

Публицистика Б. Батырхана так же разнотемна, разнопланова, представлена портретными очерками об исторических личностях, лидерах («Гази-Мулла», «Ташо-Хаджи», «Шейх Мансур», «Имам Гамзат», «Тайми Бибулат» и др.), о религиозных течениях и движениях («Мюридизм на Кавказе», «О мюридизме»), о современных ему политических и общественных деятелях кавказской эмиграции («Вассан-Гирей Джабагиев», «Абдул-Межид (Тапа) Чермоев», «Пшемахо Косок» и др.), очерками о народах Кавказа («О кавказцах», «Чеченцы в XIX веке», «Кабардинцы», «Убыхи», «Кем были предки осетин?» и др.) и статьями о репрессиях Сталина («В связи с неделей поработанных народов», «По случаю 21-й годовщины геноцида северокавказских народов: чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев») и т.д. Несомненно, все без исключения публикации Б. Батырхана носят просветительский характер.

Героями своих очерков Б. Батырхан выбирает ярких, сильных, волевых личностей, лидеров по характеру, сумевших консолидировать народы, противостоять царскому режиму. Заметим, здесь имеет место не случайное попадание, когда пишут по инерции обо всех или всем подряд, а вполне осознанный, продуманный выбор объекта повествования, будь то историческая личность или историческое событие. Порой в заголовках или подзаголовках некоторых работ мы видим упоминание той или иной годовщины, круглой даты, юбилея. Поражает то, как эти важные даты блюлись, отмечались специальными статьями, репортажами, мероприятиями, что было характерно для многих эмигрантских авторов и обществ. Примечательно и то, с какой ответственностью Б. Батырхан подходит к тексту, особенно чужому, в каждом из публикаций, выходящих под его именем, отмечая степень своего авторства или участия.

Целый пласт в творчестве ингушского публициста составляют очерки исторического характера о религиозных деятелях Кавказа, лидерах освободительной борьбы против произвола царского режима по отношению к кавказским народам. Таковым является, к примеру, повествование «Имам Гамзат (по случаю 130-й годовщины смерти)», в котором рассказывается об истории жизни имама Гамзат-бека и становления его как личности, известного предводителя, лидера мюридов. К очеркам об известных деятелях, борцах за свободу, независимость края тесно примыкают очерки о мюридизме. Свою задачу автор видит в знакомстве читателя не только с этим течением, но и вообще с Кавказом, в популяризации исторического прошлого горцев, выступавших против произвола царских властей: «Смыслом жизни в горах представляется борьба. Наказание за трусость, робость, предательство -- смерть. <...> Во главе всего стоит имам, человек с высочайшим авторитетом. Суть мюридизма составляют учение, практика и мышление» [1, С. 21-22]. И, конечно же, в обязательном порядке артикулируется объединительный мотив, мотив единства, пробуждения национального самосознания: «Народы, выступавшие ранее в одиночку против врага и гордившиеся своими победами, оставив внутренние противоречия, объединяются и становятся внушительной силой. Проснулось национальное самосознание кавказских горцев, которые стали единым социальным организмом. Не зря народная мудрость гласит: “Один пруттик сломать легко, а целый веник сломать трудно”» [1, С. 22].

Особо стоит отметить и акцентировать тот факт, насколько тщательно Б. Батырхан отслеживал события на исторической родине, в целом в СССР и насколько оперативно на них реагировал, причем конкретными работами, переводами, статьями. Касалось это не только новостей и новинок в области фольклора, литературы, истории, но и жизни ингушского и других народов, особенно периода депортации (1944–1957), тотальных репрессий. К теме депортации ингушские эмигранты, в т.ч. и Б. Батырхан, обращались постоянно, отмечая трагическую дату, знакомя читателей с произошедшими событиями. Целиком данной тематике посвящена статья «По случаю 21-й годовщины геноцида северокавказских народов: чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев» [9]. В ней автор предпринимает экскурсии в историческое прошлое репрессированных народов, знакомит с их материальной и духовной культурой, часто ссылаясь на известного кавказоведа, доктора исторических наук Евгения Крупнова, с которым состоял в дружеской переписке и был знаком лично [8, С. 97]. Благодаря бескорыстной помощи Е. Крупнова Б. Батырхан имел новые издания, материалы по Кавказу, причем не только труды самого Е. Крупнова, но и труды в целом по кавказоведению, фольклору, литературе. Что положило начало дружбе ингушского публициста-эмигранта и советского археолога-кавказоведа, как состоялось их знакомство? Желание получить ответы на эти вопросы сподвигло нас на изучение материалов личного архива Е. Крупнова в Институте археологии РАН, что пролило свет на многие обстоятельства. Так, из отчета Е. Крупнова о научной командировке делегации АН СССР в Турцию, состоявшейся по приглашению Анкарского и Стамбульского университетов (с 19 декабря 1962 г. по 2 января 1963 г.), узнаем, насколько большую заинтересованность проявлял ученый-археолог к северокавказским диаспорам [7, Л. 17]. Он подчеркивал, что в массе своей эмигранты проявляют живой интерес к жизни соотечественников в Союзе, не выражают враждебности к советскому режиму и осторожно, но настойчиво предлагал наладить связи с диаспорами в Турции. И как пример стремления северокавказцев к диалогу приводит в своем отчете такой факт: «Об этом можно судить хотя бы по письму, полученному товарищем Крупновым в 1961 г. из Стамбула, в связи с опубликованием издательством АН СССР его монографии «Древняя история Северного Кавказа» (1960)» [7, Л. 5]. Хотя ученый и не называет фамилии автора письма, нет сомнения, что речь в данном случае идет о Б. Батырхане, с которым он встретился во время научной командировки, в чем можно убедиться, ознакомившись с его письмом ингушскому лингвисту, фольклористу Д. Мальсагову: «Мне удалось нанести визит, в сопровождении советского атташе по культуре, одному почтенному жителю Стамбула – ингушу Бексултану Батырханову. Вот о нем я и хочу поведать Вам. Ему сейчас 70 лет. Но он бодрый старик. ... Сам Бексултан Батырханов превосходно говорит по-русски. Наше знакомство завязалось года два тому назад в связи с выходом в свет моей книги “Древняя история Северного Кавказа”, которую он с трудом приобрел через Париж. Я получил от него несколько писем, положительно оценивающих мою монографию и брошюру, с просьбой присылать все, что у меня выходит по Чечено-Ингушетии и Кавказу вообще, ибо он только “живет мечтой о Кавказе”» [5]. Б. Батырхан оставил о себе настолько приятные впечатления, что по приезде из научной командировки Е. Крупнов стал расспрашивать о нем ингушских ученых коллег, а в одну из поездок в тогдашнюю Чечено-Ингушетию даже рассказывал о своей встрече с ингушским эмигрантом собравшейся аудитории творческой интеллигенции [8, С. 98].

Будучи человеком с военным прошлым, Б. Батырхан поздно пришел к публицистике, переводческой, литературоведческой деятельности, однако, несмотря на преклонный возраст, он постоянно пополнял багаж знаний, расширял кругозор и помогал это делать другим. Нам представляется, что отдельного внимания заслуживает его эпистолярный, пусть на сегодняшний день и незначительный в своем объеме. М. Ялхарева приводит в монографии одно из писем ингушского эмигранта к племяннице, в котором всплывает немало интересных фактов. Так, он с теплотой вспоминает Е. Крупнова, надеется, что сможет заполучить его последнюю, посмертную монографию «Средневековая Ингушетия» (1971), делится впечатлениями о некоторых ингушских писателях, их произведениях, новых изданиях по фольклору и т.д. Мы узнаем, что Б. Батырхану удавалось приобрести даже произведения ингушских советских писателей, которые выходили такими малыми тиражами, что в самой ЧИАССР о них порой не знали. Факт поразительный сам по себе. Прочитанное (особенно художественные произведения) удручало его, расстраивало и без преувеличения порой шокировало: он не мог понять, для чего и с какой целью национальными писателями искажаются реалии ингушской жизни, действительность, изображается классовое деление, классовая борьба, чего не было у ингушей. Делясь впечатлениями о романе А. Бокова «Сыновья Беки» в письме внучатой племяннице, живущей в СССР, он пишет (*орфография и стиль автора письма сохранены*): «Должен тебе сказать, что очень расстроился, когда читал эту книгу, старавшуюся почему-то делить ингушский народ на два лагеря: старшин села, имущий класс и бедноту, что на самом деле в дореволюционное время среди ингушей не было. Бедный ингуш, богатый ингуш или старшина села были одинаковы, одинаково защищали свой интерес перед правительством. Ни один старшина в угоду начальства не опускался до такой низости, о которой пишется в романе, и ни один ингуш не перенес бы плевков пристава в лицо, не говоря уже о старшине. Это единственный народ на Кавказе, который был полностью объединен целью – сообща защищать свой народный интерес» [4, С. 152-153]. Б. Батырхану трудно скрыть свое изумление: «Возьмем, к примеру, лавочника Бокова, он и богач, он и доносчик. Подумай, какой богач может быть аульский лавочник, дневная выручка которого не составляет и одного рубля? Никакому богачу ингуш не простит донос на него, доносчик это хорошо знал. Если у него нет ни благородства, ни совести, воздержится от доноса из боязни мести, а также и народного гнева на него» [4, С. 153]. Затрагивает автор письма и творчество классика ингушской литературы И. Базоркина: «Вот и писатель Базоркин в своем большом романе старается доказать, что в свое время у ингушей было деление народа... Неправда! Этого не было» [4, С. 153]. Надо отметить, Б. Батырхан поднимает важную для национального литературоведения, литературной критики проблему – проблему рецепции ингушского советского текста, презентующего модель отсутствующего бытия, отсутствующей повседневности. Как человек, далекий от советской действительности, он болезненно и остро воспринимает этот диссонанс, не понимая (либо не желая понимать) идеологическую обусловленность данного явления в ингушской литературе советского периода. Даже одно это письмо замечательно и ценно тем, что, сам того не подозревая, Б. Батырхан положил начало

литературоведческому и литературно-критическому дискурсу, дискурсу объективному, свободному от условностей, идеологических рамок и установок. Считаем, что взгляды, идеи, проблемы, артикулируемые Б. Батырханом, не имеют «срока давности» и актуальны по сегодняшний день, хотя и озвучены практически полвека назад.

Заключение

Подытоживая вышеизложенное, отметим: Б. Батырхан прожил яркую, предельно насыщенную, богатую на события жизнь, оставив после себя не только внушительный корпус разноплановых работ, но и добрую память как щедрый благотворитель, финансировавший проекты в области культуры, образования, издательского дела да и попросту оказывавший поддержку любому человеку в тяжелой ситуации. У Б. Батырхана биографический портрет удивительным образом перекликается с творческим портретом: каков он в жизни, таков он и в творчестве. В каждой из работ этого автора нашли отражение идеи, взгляды, проблемы, волновавшие его в жизни. А волновало его все, что связано с Кавказом: фольклор, литература, культура, история, социально-политические события. Полную, целостную картину жизни и творческой деятельности Б. Батырхана еще предстоит сложить, думается, доступ к литературному, мемуарному, эпистолярному наследию деятелей и ингушской, и в целом кавказской эмиграции положительным образом сыграл бы роль в решении настоящей проблемы.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Батырхан Б. Имам Гамзат / Батырхан Б. // *Kafkasya*. — 1964. — № 3. — С. 21-22.
2. Батырхан Б. “Кавказ” Тараса Шевченко / Батырхан Б. // *Kafkasya*. — 1965. — № 6. — С. 28.
3. Батырхан Б. О борьбе северокавказцев за свободу / Батырхан Б. // *Kafkasya*. — 1965. — № 5. — С. 23.
4. Письмо Б. Батырхана М. Плиевой. 15.02.1972 // Ялхароева М. А. Литературно-публицистическая деятельность ингушской диаспоры в Турции. — Назрань, 2008. — С. 152-153.
5. Письмо Е. И. Крупнова Д. Д. Мальсагову. 17.04.1963 // Личный архив Л. Д. Мальсаговой.
6. Сибгатуллина А. Т. Публикации Бексултана Батырхана в журнале «Kafkasya» / Сибгатуллина А. Т. // Вестник Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева. — 2020. — № 2. — С. 78-85.
7. Ф. 13. Д. 93 // Личный архив Е. И. Крупнова. Институт археологии РАН.
8. Ялхароева М. А. Литературно-публицистическая деятельность ингушской диаспоры в Турции / Ялхароева М. А. — Назрань, 2008. — 172 с.
9. Batırhan B. Kuzey Kafkasyadaki Çeçeno-İnguş ve Karaçay Balkarların Genosidinin 21.ci Yılı Münasebeteyle [По случаю 21-й годовщины геноцида северокавказских народов: чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев] / Batırhan B. // *Kafkasya*. — 1965. — № 5. — S. 6-10.

10. Berzeg Sefer Ersin. Kafkas Diasporası'nda Edebiyatçılar ve Yazarlar Sözlüğü (Caucasian Writers in Diaspora) [Писатели кавказской диаспоры. Словарь]. — Samsun: Kafkasya Gerçeği Yayınları, 1995. — 283 s.

Список литературы на английском / References in English

1. Batoryhan B. Imam Gamzat [Imam Gamzat] / Batoryhan B. // *Kafkasya*. — 1964. — № 3. — P. 21-22.
2. Batoryhan B. “Kavkaz” Tarasa Shevchenko [“Caucasus” by Taras Shevchenko] / Batoryhan B. // *Kafkasya*. — 1965. — № 6. — P. 28.
3. Batoryhan B. O bor'be severokavkazcev za svobodu [On the struggle of the North Caucasians for freedom] / Batoryhan B. // *Kafkasya*. — 1965. — № 5. — P. 23.
4. Pis'mo B. Batoryhana M. Plievoj. 15.02.1972 [B. Batorykhan's letter to M. Plieva. 02/15/1972] // Jalharoeva M. A. Literaturno-publicisticheskaja dejatel'nost' ingushskoj diasporj v Turcii. — Nazran', 2008. — P. 152-153.
5. Pis'mo E. I. Krupnova D. D. Mal'sagovu. 17.04.1963 [Letter from E. I. Krupnov to D. D. Malsagov. 04/17/1963] // Lichnyj arhiv L. D. Mal'sagovoj.
6. Sibgatullina A. T. Publikacii Beksultana Batoryhana v zhurnale «Kafkasya» [Beksultan Batorykhan's publications in the magazine "Kafkasya"] / Sibgatullina A. T. // Vestnik Ingushskogo NII gumanitarnyh nauk im. Ch. Ahrieva. — 2020. — № 2. — P. 78-85.
7. F. 13. D. 93 // Lichnyj arhiv E. I. Krupnova [Personal archive of E. I. Krupnov]. Institut arheologii RAN.
8. Jalharoeva M. A. Literaturno-publicisticheskaja dejatel'nost' ingushskoj diasporj v Turcii [Literary and journalistic activities of the Ingush diaspora in Turkey] / Jalharoeva M. A. — Nazran', 2008. — 172 p.
9. Batırhan B. Kuzey Kafkasyadaki Çeçeno-İnguş ve Karaçay Balkarların Genosidinin 21.ci Yılı Münasebeteyle [On the occasion of the 21st anniversary of the genocide of the North Caucasian peoples: Chechens, Ingush, Karachais and Balkars] / Batırhan B. // *Kafkasya*. — 1965. — No 5. — P. 6-10.
10. Berzeg Sefer Ersin. Kafkas Diasporası'nda Edebiyatçılar ve Yazarlar Sözlüğü (Caucasian Writers in Diaspora) [Writers of the Caucasian Diaspora. Dictionary]. — Samsun: Kafkasya Gerçeği Yayınları, 1995. — 283 p.